

Титаренко Светлана Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
<https://orcid.org/0000-0002-6981-0664>
s.titarenko@spbu.ru

Исследование мифопоэтики А. А. Блока в литературоведческих трудах Д. Е. Максимова и теория символизма Вяч. И. Иванова*

Для цитирования: Титаренко С. Д. Исследование мифопоэтики А. А. Блока в литературоведческих трудах Д. Е. Максимова и теория символизма Вяч. И. Иванова. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2025, 22 (2): 333–350.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2025.206>

Статья посвящена малоизученной проблеме сравнительно-типологического анализа принципов одной из школ мифопоэтики в русском литературоведении XX в. и теории русского символизма. В центре внимания находятся литературоведческие труды Д. Е. Максимова (1904–1987), который является одним из самых авторитетных исследователей творчества А. А. Блока. На основе книг и статей Максимова проводится изучение источников его методологии, одним из которых является теория символизма Вяч. И. Иванова. Анализ основных трудов Максимова показал, что он ссылается на работы зарубежных ученых, таких, как Н. Фрай, М. Элиаде, Дж. Кэмпбелл, М. Бодкин, а также на исследования по философии и семантике мифа Е. М. Мелетинского, А. Ф. Loseva, В. Н. Топорова, которые проводились в 1960–1980-е гг. На Максимова оказал влияние также феноменологический подход Иванова к изучению философии мифа, который был им обозначен формулой «от реального — к реальному», так как феноменология предполагает объективацию идеи-сущности в сознании. Этот подход позволил ему понять природу мифопоэтического модуса художественности при анализе творчества Блока. Максимов формулирует принципы неомифологизма и намечает исследование «неомифологических текстов» в литературе XX в., указывая на подобный анализ в работах Иванова по творчеству Ф. М. Достоевского. Его идеи в 1970–1980-е гг. развиваются параллельно с исследованиями его учеников и последователей, таких, как З. Г. Минц, И. С. Приходько, А. Пайман, А. В. Лавров и др., которые развивают и углубляют их. Поэтому труды Максимова предвосхищают открытия в изучении мифопоэтики Блока в конце XX — начале XXI в.

Ключевые слова: методология литературоведения, мифопоэтика Блока, теория русского символизма, Вяч. И. Иванов, Д. Е. Максимов.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00514, <https://rscf.ru/project/23-28-00514/>, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

Как мыслитель и как личность Вяч. Иванов имел колоссальное значение.
Теория символизма сложилась так или иначе под его влиянием.
Все его современники — только поэты, он же был и учителем.
М. М. Бахтин [Бахтин 1979: 374]¹

Литературоведческие школы кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета изучены еще недостаточно, особенно в аспекте влияния на принципы их становления предшествующих научных или литературных направлений. В этом плане малоизученной, но достаточно перспективной является проблема влияния идей русского символизма на формирование школы блоковедения Дмитрия Евгеньевича Максимова (1904–1987), его учеников и последователей. Именно Максимов был инициатором исследований мифопоэтики Блока в отечественной науке о литературе XX в. Он относил себя к ученикам Б. М. Эйхенбаума, писавшего в работе «Судьба Блока» (1921), что «исторические наши судьбы внутренне связаны с символизмом как принципом духовной культуры» [Эйхенбаум 1987: 357]. При изучении истории русского литературоведения была рассмотрена проблема влияния символизма на идеи таких ученых, как Эйхенбаум, В. М. Жирмунский и др. (см.: [Молчанова 2014; Клинг 2019]).

Важнейшая для понимания истории русского символизма статья Максимова «Валерий Брюсов и “Новый путь”» вошла в состав «Литературного наследства» (т. 27–28), опубликованного в 1937 г., — в самый сложный период истории русского литературоведения [Максимов 1937]. В этом издании символизм хоть и фигурировал как антимарксистское искусство, но о нем заговорили как о значительном явлении не только для истории русской литературы, но и для методологии литературоведения. В. Н. Асмус при рассмотрении философии и эстетики символизма указывал на значение этого направления для становления русской формальной школы [Асмус 1937: 2–4]. Русский символизм стал магистральной темой Максимова-литературоведа на многие годы, и, как нам представляется, теория символизма определила не только проблематику его разысканий, но и методологию некоторых его литературоведческих исследований в области мифопоэтики, которые еще мало изучены в этом аспекте и особенно в связи с идеями, высказанными мыслителем и теоретиком русского символизма Вячеславом Ивановичем Ивановым (1866–1949).

Признано влияние его трудов на развитие философского литературоведения М. М. Бахтина, герменевтики, мифопоэтики, семиотики и других направлений (подробнее об этом см.: [Титаренко 2011]). Изучение этой темы было невозможно в советской науке в связи с религиозно-философской направленностью теории символизма Иванова, его эмиграцией в Италию, переходом в католичество, сотрудничеством с Ватиканом и неприятием большевизма. В Советской России даже энциклопедические статьи о дионисийской религии в Греции обходились без ссылок на его лекции о Дионисе, вошедшие в книги «Эллинская религия страдающего бога» (1917) и «Дионис и прадионисийство» (Баку, 1923). Теоретика русского символизма в 1920–1950-е гг. причисляли к «буржуазным декадентам» и рассматривали его работы с идеологических позиций марксизма; исключение, по словам П. Дэвидсон, анализирующей проблему истории восприятия его наследия в России

¹ М. М. Бахтин в 1920-е гг. читал публичные лекции по литературе и философии в Ленинграде и других городах. Лекция о Вячеславе Иванове сохранилась в записях Р. М. Миркиной.

и за рубежом, составляли лишь некоторые работы Н. К. Гудзия, В. М. Жирмунского и В. Гофмана [Дэвидсон 1996: 119–120].

Вместе с тем в трудах Е. М. Мелетинского указывалось на потенциал мифотворческих идей Иванова и на то, что он оказал основополагающее влияние на философию мифа А. Ф. Лосева [Мелетинский 1976: 125]. Показательно, что Лосев ссылаясь на теоретика символизма как на своего учителя [Лосев 2016: 722]. Максимов был знаком с исследованиями по философии и поэтике мифа, так как он пишет, что «Е. М. Мелетинский, А. Ф. Лосев, В. Н. Топоров, участники недавно вышедшего сборника “Литература и мифология”», были связаны с «бурно развивающимся во всем мире научным интересом к мифологическим проекциям и “мифотворческому” началу в новой и в современной художественной литературе» [Максимов 1979: 3]². Ссылаясь на статью А. Л. Григорьева «Мифы в поэзии и прозе русских символистов» из этого сборника [Григорьев 1975], он пишет, что «изучение мифопоэтического аспекта в творчестве русских символистов и, тем более, их теоретических высказываний, относящихся к этому вопросу, только еще начинается» [Максимов 1979: 3]. В сборнике «Литература и мифология» была также опубликована статья А. С. Козлова «Мифологическое направление в зарубежном литературоведении», в которой был дан анализ исследований зарубежных мифологов (Н. Фрая, М. Элиаде, Дж. Кэмпбелла, М. Бодкин, К. Юнга и др.), к трудам которых отсылает Максимов [Максимов 1979: 3] (см.: [Козлов 1975]). «Зарубежная литература о современном мифотворчестве огромна», — пишет он, предупреждая об опасности «мифологизма без берегов» [Максимов 1979: 4–5]. Вместе с тем он считает, что

поэтический миф нового времени — это построенная с помощью авторской фантазии моделирующая «вторая действительность», взятая в метаисторическом плане или превращенная в фантазмагорию, за которой может стоять содержание, так или иначе относящееся к реальной истории [Максимов 1979: 6].

Эта идея отсылает к трудам теоретиков русского символизма и прежде всего Вяч. Иванова.

Прежде чем рассматривать проблему влияния идей Иванова на методологию Максимова, необходимо отметить, что литературоведческие труды представителя университетской науки отличает новаторский характер в изучении многих тем истории русской литературы, стремление разработать семантические принципы анализа текста, желание осуществить системный, обобщающий подход к исследованию художественного мира М. Ю. Лермонтова, В. Я. Брюсова, А. А. Блока, А. Белого, А. А. Ахматовой и др. В этом плане литературоведческое наследие Максимова представляет закономерный интерес, о чем писали его ученики, последователи и близкие по духу ученые [Лавров, Долгополов 1978; Лотман 1986; Магомедова 1988; Ильюнина 1989; Азадовский, Лавров 1994; Егоров 2007; Маркович 2007; Пайман 2007; Лавров 2019]. Ю. М. Лотман, например, высоко оценивая его исследова-

² Максимов был знаком с работами В. Н. Топорова 1960–1970-х гг., которые рассматриваются в упоминаемой им [Максимов 1979: 23] книге Е. М. Мелетинского «Поэтика мифа» [Мелетинский 1976: 149–152]. Некоторые исследования Топорова публиковались в издаваемых в Тарту сборниках «Семиотика. Труды по знаковым системам» в конце 1960-х — 1970-е гг., где издавались и «Блоковские сборники» со статьями Максимова.

ния, считал, что он был человеком философской мысли как основатель школы «поэзии науки». Он писал:

Литературоведческая мысль Д. Е. Максимова глубоко философична, но не потому, что литература рассматривается как прикладная иллюстрация к философии, а в прямо противоположном смысле: литература — это кабинет Фауста, в котором вырабатывается философская мысль [Лотман 1986: 5].

Поэтому в Блоковском семинаре, организованном Максимовым на филологическом факультете Ленинградского университета и ставшем «подобием Царскосельского лицея», как писали его ученики, происходило «истинное интеллектуально-духовное рождение» личности исследователя [Голицына 2007: 29].

Как ученый и педагог, с перерывами более 30 лет преподававший в Ленинградском университете в 1930–1970-е гг., Максимов считается прежде всего одним из основоположников изучения русского символизма и символистских периодических изданий начала XX в.: журналов «Весы», «Северный вестник», «Новый путь». По воспоминаниям И. Н. Сухих, который рассматривает литературоведческую науку кафедры истории русской литературы за более чем столетний период ее развития, Максимов «культивировал свою отдельность, одиночество, не только личную, онтологическую... но — методологическую» [Сухих 2024: 120–121]. Действительно, это время было переходным для разработки научной методологии, которая должна была размежеваться с идеологической критикой. В. М. Маркович писал, что после разгрома формального метода в 1920-е гг. и дезавуации социологического литературоведения носило достаточно эклектичный характер [Маркович 2007: 256].

Именно это и позволило Максиму с середины 1920-х гг. начать систематическое исследование истории, теории и поэтики русского символизма. Его литературоведческие идеи нашли отражение в книгах «Поэзия Валерия Брюсова» (1940; 2-е изд. — 1969), «Поэзия и проза Ал. Блока» (1975; 2-е изд. — 1981), «Русские поэты начала века: В. Брюсов, А. Блок, А. Ахматова» (1986), а также в многочисленных статьях, среди которых особенно выделяются новаторские по своему подходу работы, вышедшие в «Блоковских сборниках» под редакцией З. Г. Минц: «Идея пути в поэтическом сознании А. Блока» (Вып. 2. Тарту, 1972); «О мифопоэтическом начале в лирике Блока» (Вып. 3. Тарту, 1979). Именно в них и в книге «Поэзия и проза Ал. Блока» Максимовым были сформулированы не только важнейшие принципы исследования творчества Блока, но и основные направления мифопоэтики как науки. В рецензии на «Блоковский сборник» их далеко не полно определил П. М. Нерлер, обозначив понятиями «мифологическая концепция», «собственные мифопоэтические построения» и «литературные образы» как мифологические [Нерлер 1980: 298–299].

С точки зрения влияния идей Иванова на исследовательскую концепцию Максимова, на наш взгляд, наиболее значимыми явились такие, как архетипичность символических образов и укорененность их в архаических представлениях древности, диалектика образа-символа и мифа, их вариативность и интегративность, динамика развития основного мифа или мифологического сюжета, связь исторического сюжета мифа с феноменологией сознания и др. Максимов писал, что Иванов «объявил мифологизацию литературы, “мифотворчество”, переход от символа к мифу основной задачей современного искусства, магистральным путем» и счи-

тал, что отличие мифа от родственного ему символа заключается в «динамическом характере мифа, в его “глагольной основе”, в его устремленности к сюжетному действию, к событию» [Максимов 1979: 9].

Изучение русского символизма, которым Максимов занимался с юности, готовя дипломное сочинение на тему «“Северный вестник” и символисты» в 1926 г., считалось не совсем соответствовавшим идеологическим канонам советского литературоведения, поэтому не случайно, что тема его докторской диссертации по творчеству Блока была заменена на другую — по поэзии Лермонтова [Егоров 2007: 23]. Появление работ Максимова, в которых были проанализированы многочисленные архивные материалы, позволило английской исследовательнице А. Пайман написать документированную монографию по истории русского символизма, которую очень ждал Максимов как ее научный наставник. Он просил ее углубить исследование проблем «о Блоке и Мережковских», «о Блоке и Ницше, о Блоке и Соловьеве», так как в советском литературоведении эти темы были крайне не популярны [Пайман 2007: 99]³.

Иванов как теоретик русского символизма намечает подход к литературоведению, в системе которого большую роль играет «сверхреальное», то есть мифопоэтическая картина мира. Мифопоэтическое рассмотрение текста, по мысли Топорова, предполагает выделение в нем «сверхреального» как «цельно-единого, культурно-исторического, религиозно-нравственного и психоментального комплекса», анализ мифологического, символического, архетипического направлен на истолкование его как «высшего класса универсальных модусов бытия в знаке» [Топоров 1995: 3–4]⁴.

Максимов считал, что Иванов как «сверхфилолог» сознательно ставил себе задачи создания эстетики символизма как философии творчества [Максимов 1981а: 213–214]. Сравнивая центральные идеи Иванова, Белого, Брюсова, он писал о значительном расхождении их установок, утверждая, что «интерес Вяч. Иванова был направлен к архаическим культам и к истории культуры вообще. Интерес Белого — к постижению потаенной сущности человеческого сознания», и это определило, по его словам, построение «теории символизма как миропонимания и как эстетики» у них разными путями [Максимов 1981а: 221]. То есть Белый, как указывает Максимов, само «познание рассматривал как творчество», что делало его представителем «идеалистического символизма», в отличие от Иванова, декларировавшего идеи «реалистического символизма» [Максимов 1981а: 221]. Называя их вождями символистского движения, он указал на значительные отличия их установок и от идей Брюсова, которые скорее были релевантны его литературной критике. Максимов настаивал на том, что его работы о поэзии Брюсова и статьи, такие, как «Брюсов и “Весы”», отличаются иным, прежде всего историко-литературным, уровнем, в отличие от блоковских, в которых он смог, говоря его же словами, воспроизводимы в кругу единомышленников, «жить по Блоку» [Пайман 2007: 98].

Австрийский славист А. Ханзен-Леве полагает, что неомифологизм Максимов называл «исходной точкой символистской мифопоэтики», ссылаясь на его статью

³ Монографию А. Пайман, в которой нашли отражение намеченные Максимовым проблемы, см.: [Пайман 2000].

⁴ Нельзя не заметить влияния идей Иванова на исследования по мифопоэтике Топорова, что может стать темой специального исследования. См.: [Топоров 1989; Топоров 1994].

«О мифопоэтическом начале в лирике Блока» [Ханзен-Леве 2003: 48]. На Максимова как автора идеи «неомифологизма» указывает и его ученица Минц, считая, что разработка этого понятия у нее шла параллельно [Минц 1979: 77]. Выдвигая задачу исследования поэтики Блока на основе понятий «миф», «мифологический», «мифологизация», Максимов пишет: «И нужно признать, что вопрос об отношении творчества Блока к мифу, — пока еще только намеченный, — возникает вполне своевременно» [Максимов 1979: 3]. На работы Иванова он неоднократно ссылается, особенно на важный для становления символизма сборник «По звездам» (1909) (см.: [Максимов 1981a: 86, 198]), а также книги статей «Борозды и межи» (1916) и «Родное и вселенское» (1917) (см.: [Максимов 1981a: 199, 221]). Приводя цитату из лекции Бахтина, посвященной творчеству Иванова, где он рассуждает о глобальности значения теоретика символизма для развития истории и теории русской литературы (см.: [Бахтин 1979: 374]), он писал:

Важнейшая в истории символизма часть статей Вяч. Иванова — он назвал их «эстетическими и критическими опытами» — была собрана в двух книгах его критической прозы — «По звездам» (1908) и «Борозды и межи» (1916). Это были действительно «опыты» в старинном значении слова — статьи, написанные в философском ракурсе, насыщенные глубокой обобщающей мыслью, подкрепленной огромным запасом знаний, с очень тонкими эстетическими проникновениями и наблюдениями, сохранившими в ряде случаев свое литературно-филологическое значение и до сих пор [Максимов 1981a: 222].

Анализируя принципы символизма, изложенные в литературно-критических и литературно-философских статьях Иванова, он подчеркнул:

Вяч. Иванов опирался преимущественно на историю культуры и классическую филологию, пытаясь приспособить эллинскую мифологию к современным исканиям, как он их понимал, и повернуть закрепленную в практике символистов эстетику символа к эстетике мифа. Именно в разработке теории символа-мифа и мифотворчества и заключается один из главных творческих вкладов Вяч. Иванова в культуру русского символизма и одно из главных оснований его авторитета и популярности в символистских кругах [Максимов 1981a: 220].

Созвучной идее мифотворчества, высказанной Ивановым, стала мысль Максимова о панмифологизме литературы XX в. Указывая на это, он пишет, что «наступила новая мифологическая эра в литературе, пришедшая на смену реализму XIX века», поэтому важен и «мифологический тип сознания», и «мифологические структурные особенности» творчества, и «мифологические образцы» [Максимов 1979: 4–5]. На эти идеи учителя указывала и И. С. Приходько, которая исследовала мифопоэтическую природу поэмы Блока «Соловьиный сад» под его руководством (см. об этом: [Приходько, Максимов 1987]).

Называя классические произведения западноевропейской литературы, которые можно связать с мифопоэтической традицией, Максимов пишет, что произведения русских классиков (Лермонтова, Гоголя, Достоевского) принято связывать с реализмом, но в них легко отыскать «мифопоэтические начала» [Максимов 1979: 5]. В этом отношении Иванов, по его словам, сделал новаторское исследование романа «Бесы» Достоевского. Максимов называет ивановский сборник «Борозды

и межи» (1916), в котором была опубликована его известная статья «Основной миф в романе “Бесы”» (1914) [Максимов 1979: 5]⁵. Она вошла в итоговую книгу-исследование Иванова «Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика», вышедшую в Германии (Тюбинген, 1932) на немецком языке⁶.

Отмечая важность идей анализа, предложенного теоретиком символизма, Максимов указывает на понимание им мифа как динамической системы: «Эти теоретические положения В. Иванов развивал, видоизменял, но, в основном, не отступал от них в течение многих лет. Он применял их в анализе и в оценках литературы текущей и удаленной во времени» [Максимов 1979: 9]. Он использует наиболее продуктивные принципы, предложенные Ивановым, при анализе поэзии и прозы Блока. Один из них — это динамика мифологического сюжета и действия. Она обусловлена, по его словам, тем, что «развертываясь в действии, реальном (“сюжетном”) или потенциальном, эти символы превращаются в мифы — динамические символы, пришедшие к Блоку из мира архетипов, из культурной традиции...» [Максимов 1981a: 344]. Это сближает его истолкование природы и функций образов-символов с идеями, высказанными Ивановым при разработке теории символизма.

Известен интерес теоретика русского символизма к философии немецкого ученого, основателя феноменологического метода Э. Гуссерля (1859–1938), автора работ «Логические исследования» (1900–1901), «Философия как строгая наука» (1911) и др. В архиве Иванова сохранилась запись, свидетельствующая о неоднозначном восприятии им идей Гуссерля. Он записал: «Впечатления от системы Гуссерля», «рационализирование феномена, или рационализация интуиции», «противоречие в определении» — «*contradictio in adiecto*»⁷. Гуссерль считал, что феноменология проблематизирует феномены сознания и определяет наиболее значимые объекты, на которые оно направлено. Он писал, что при помощи восприятия и воображения возникают не только «образы объектов», но и «объекты сознания»: «Способность... схватывать общее в единичном, созерцательно схватывать понятие в эмпирическом представлении и в повторных представлениях, убеждаться в тождестве понятийной интенции — это условие возможности познания», — уточнял он [Гуссерль 2011: 100]. Поэтому феноменология может стать в определенном смысле основанием мифотворческих установок. На это указывает, например, М. Грабар, рассматривая статьи Иванова. Он считает, что в начале XX в. феноменология на Западе в лице Гуссерля развивалась параллельно с мифотворчеством символизма [Грабар 1998].

А. Ф. Лосев также считал феноменологию и диалектику основанием своих исследований по философии мифа и диалектике символа. Отсылая к идеям Гегеля в работе «Диалектика художественной формы», он называет философский трактат Гуссерля «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» (1913), цитируя фрагменты этой работы на немецком языке и приводя суждение, что «вся действительность существует посредством осмысления» [Лосев 1995: 164]. Здесь имеется в виду концепция религиозного «реалистического символизма»

⁵ См. ее публикацию в брюссельском собрании сочинений: [Иванов 1987].

⁶ Современное научное комментированное издание текста этой книги в новом переводе М. Ю. Кореновой с немецкого языка было подготовлено коллективом авторов. См.: [Иванов 2021].

⁷ Расшифровку записей см.: [Обатнин 2018: 431].

Иванова, в системе которой миф имеет онтологический статус и понимается как «становление» самосознания «я» как субъекта сознания. По мысли Иванова, «синтетическое условие становления есть бытие, и оно существует для ищущего, подобно математическому пределу, бесконечно приближающихся величин; некоторое Я во мне, как постулат моего не я» [Иванов 1909: 52].

Определяя теорию «реалистического символизма» Иванова его формулой «от реального к реальнейшему»⁸, Максимов использует его принципы, например при анализе стихотворения Блока «Двойник» или поэмы «Двенадцать». Он пишет: «Поэтически безупречный способ объединения “реального” и “философско-иррационального”» планов Блок находил в методе символического раскрытия эмпирических явлений (эмпирическая символизация) и в откровенном, демонстративном гротеске — введении фантастического в повседневное [Максимов 1981а: 147]. При определении мифа и символа он отсылает также к книге Лосева «Проблема символа и реалистическое искусство» (1976) [Максимов 1979: 6]. В ней, как и в работе «Диалектика мифа», Лосев рассматривает миф как «развернутое магическое имя», «выражающее и выявляющее личность» [Лосев 1990: 579], стремящееся преодолеть свои границы и стать воплощением метаморфоз становления, как уже указывалось⁹. Например, при анализе стихотворения «Двойник» Максимов выделяет процесс расщепления сознания автора, когда «(“двойник”) мыслится не столько в форме мгновенного акта, сколько в форме процесса» [Максимов 1981а: 168].

Пайман приводит высказывания Максимова из своей с ним переписки, указывая в письме от 9 марта 1975 г.: «Д. Е. жизненно воспринимал всякий миф как некую глубинную и вполне “реальную” истину, доступную логическому мышлению и невыразимую рационалистическим языком» [Пайман 2007: 94]. Эта особенность мышления сближает его установки с феноменологией как стремлением познать идеи-сущности в сознании через систему находящихся в становлении значений символов, на что указывал Иванов, уподобляя символ солнечному лучу. Рассматривая блоковский «образ-интегратор» как воплощение мысли или представления у Блока, Максимов пишет, что «это выявление предварительной, дологической или последующей, послелогической стадии познавательной фиксации было бы неправильно рассматривать как тотальный дефект блоковской художественной гносеологии» [Максимов 1981а: 342]. Указывая на мифологическое мышление Блока, Максимов считает истоком его не только философию В. С. Соловьева, но и мифотворческие стратегии Иванова. Теоретик символизма, по его словам, «объявил мифологизацию литературы, “мифотворчество”, переход от символа к мифу основной задачей современного искусства, магистральным путем к преодолению декадентского индивидуализма, иллюзионизма и средством приобщения к народной душе» [Максимов 1979: 9].

Максимов изучал пометы Блока на книгах, содержащихся в составе его личной библиотеки, сохранившейся в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. В процессе изучения

⁸ См. у Иванова в статье «Две стихии в современном символизме» (1908) [Иванов 1909: 277]. В другой работе «Экскурс. Основной миф в романе “Бесы”» (1914) также говорится: «a realibus ad realiora — от низшей действительности к реальности реальнейшей» [Иванов 1987: 437].

⁹ Онтологизм и становление — особенность философии «абсолютного» мифа Иванова и Лосева (см.: [Титаренко 2014]). Назовем лишь некоторые труды по философии мифа Лосева: [Лосев 1976; Лосев 1990].

помет он использовал не только философские труды Соловьева (см., напр.: [Максимов 1981б]), но и экземпляр книги Иванова «По звездам» (1909). Больше всего помет Блока содержится в таких статьях теоретика русского символизма, как «Ницше и Дионис», «Символика эстетических начал», «Поэт и чернь», «Новые маски», «Копье Афины», «Две стихии в современном символизме» и некоторых других¹⁰. Рассматривая книгу «По звездам», Максимов пишет, что Блок, читая ее, подчеркнул фразу статьи Иванова на странице 278: «Миф — объективная правда о сущем» [Максимов 1979: 11]. Максимов считает, что «Блок понимает “мифологию” расширенно, включая в нее “религиозное искусство”», хотя он не всегда согласен с Ивановым [Максимов 1979: 11]. В связи с этим он писал:

По-видимому, больше всего на Блока повлияли мысли В. Иванова о значении и возможной роли мифа в современной литературе... Недаром в своей статье «Творчество Вячеслава Иванова» (1905) Блок сочувственно изложил многое из того, что написал В. Иванов к этому времени о символе и о мифе, и приветствовал мифотворческий характер поэзии В. Иванова [Максимов 1979: 9].

Считая, что современные подходы не совсем удачны для изучения поэтики Блока и не показывают глубину его художественных открытий (например, принцип романсных форм Ю. Н. Тынянова, выделение метафор В. М. Жирмунским или теория контрастов Л. И. Тимофеева)¹¹, Максимов пишет о принципе реализации символа как одном из важнейших для поэта приемов мифологизации, указывая, что «принцип символически осмысливаемой действительности» у Блока «преобладает над чисто языковыми способами символизации», на что следует обратить внимание [Максимов 1979: 16]. Нетрудно убедиться, что это одна из основополагающих идей теории символизма Иванова, выдвинутая им еще в 1900-е гг. в статьях «Поэт и чернь», «Символика эстетических начал», «Предчувствия и предвестия», «Две стихии в русском символизме». На основе идеи реализации символа Максимов предлагает изучать лирические циклы Блока как художественное целое, семантику пространства и времени его поэтического мира, «идейно-поэтические категории», «интегрирующие» его художественное мировоззрение, его поэтику, которую он обозначает как исследование «мифопоэтических начал» [Максимов 1979: 17–18].

На наличие мифопоэтических символов у Блока Максимов указал при анализе его поэзии, а в прозе, как он считал, это «не символы-образы, а *символы-мысли*, *символы-идеи* и шире — *символы-категории* (курсив в источнике. — С. Т.)», которые «отличаются от обычных понятий и категорий многозначностью (по сути, неисчерпаемостью)» [Максимов 1981а: 344]. В статье «Две стихии в современном символизме» Ивановым утверждалось, что символы — не аллегории и не готовые идеи. Он писал:

В разных сферах сознания один и тот же символ приобретает разное значение. <...> Подобно солнечному лучу, символ прорезывает все планы бытия и все сферы сознания и знаменует в каждом плане иные сущности, исполняет в каждой сфере иное назначение. <...> В каждой точке пересечения символа, как луча нисходящего, со сферой сознания он является знамением, смысл которого образно и полно раскрывается в соответствующем мифе [Иванов 1909: 247].

¹⁰ Эти пометы описаны библиографами (см.: [Библиотека Блока: 294–296]).

¹¹ Подробнее об этом см.: [Максимов 1979: 15–17].

Максимову принадлежит формулировка понятия «символы-интеграторы» («символы-образы», «символы-мысли», «символы-категории»), которые делают образность мифа динамической системой. Он пишет: «В своей совокупности они превращают творчество поэта в исключительно прочную непрерывную вязь — “иерархию интеграторов”» [Максимов 1981а: 41]. Центральный «образ-интегратор» поэзии Блока — «Прекрасная Дама» — Максимовым понимается как «некая онтологическая сущность» [Максимов 1981а: 52]. Онтологизм образа-символа — важнейшая особенность утверждаемого Ивановым «реалистического символизма», который носит религиозный характер. Иванов писал, что «истинное символическое искусство прикасается к области религии, поскольку религия есть прежде всего чувствование связи всего сущего и смысла всяческой жизни» [Иванов 1909: 248].

Иванов не только анализирует миф как явление древнейших культур, но и прослеживает его трансформацию, открывая тем самым принцип «неомифологизма» в современной литературе. Он писал: «Новый миф есть новое откровение тех же реальностей...» [Иванов 1909: 279]. Важна подчеркнутая Блоком в книге Иванова «По звездам» мысль, где утверждается: «В истинном же мифе мы уже не видим ни личности его творца, ни собственной личности, а непосредственно веруем в правду нового прозрения» [Иванов 1909: 280]¹². Как утверждает Максимов, анализируя мифопоэтику Блока, «поэтический миф нового времени — это построенная с помощью авторской фантазии моделирующая “вторая действительность”, взятая в метаисторическом плане... за которой может стоять содержание, так или иначе относящееся к реальной истории» [Максимов 1979: 6].

Правда нового прозрения становится, по Максиму, воплощением «идеи пути» у Блока. Выделяя эту идею, Максимов опирается, с одной стороны, на реалии биографии Блока, с другой — на философию символизма, осуществляя свойственную символистам мифологизацию «текста жизни». На это указывают исследователи русского символизма, например З. Г. Минц и Н. П. Пустыгина, которые считают, что «миф о пути» Блока, «исчерпывающе рассмотренный применительно к творчеству А. Блока Д. Е. Максимовым», — это «часть мифологизированной концепции его творческой эволюции» [Минц, Пустыгина 2004: 140]. Мифологизация текста жизни была присуща и Иванову. Топоров находит эту тенденцию к включению «жизненно биографического» мифа судьбы в трагедии Иванова «Тантал», которая должна была составить трилогию вместе с текстами «Ниобеи» и «Прометей» (см.: [Топоров 1989: 93–95]).

Универсализация и установка на сверхличностное отличают миф Иванова от «идеи пути» Блока. В статье «Предчувствия и предвестия» им говорится, что символ не индивидуален, а сверхиндивидуален:

В круге искусства символического, символ естественно раскрывается как потенция и зародыш мифа. <...> Но миф — не свободный вымысел: истинный миф — постулат коллективного самоопределения, а потому и не вымысел вовсе и отнюдь не аллегория или олицетворение, но ипостась некоторой сущности или энергии. Индивидуальный же и не общеобязательный миф — невозможность, *contradictio in adiecto*. Ибо и символ сверхиндивидуален по своей природе [Иванов 1909: 244].

¹² См. описание помет: [Библиотека Блока: 294–296].

Вместе с тем мифопоэтическую основу «идеи пути» в творчестве Блока-символиста Максимов считает динамическим началом, и она не укладывается в рамки историзма или архаического мифологизма. Его понимание теории мифа было основано на том, что на протяжении развития мировой культуры получают жизнь новые формы мифологизма, на что особенно обратили внимание его ученики [Лавров 1978: 137–170; Минц 1979: 76–120]. «Идея пути» как новая форма мифологизма исследовалась Максимовым на материале творчества Блока как мифотворческая универсалия — «миф пути», «автобиографический миф», который имеет полигенетический характер (см.: [Минц, Пустыгина 2004: 140–144; Приходько 1994; Магомедова 1997])¹³.

Теоретик символизма указывал на динамическую, полигенетическую и трансформационную природу мифа в книге «Дионис и прадионисийство» (1923) и в таком исследовании, как «Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика» (1932), которое включало многие его идеи, изложенные в статьях. Анализируя мифологему «Вечной женственности» («Прекрасной Дамы») в поэзии Блока, Максимов употребляет понятие Иванова «основной миф», которое тот разработал в статье «Экскурс. Основной миф в романе “Бесы”» (1914). Он пишет: «Философия Платона и поэзия В. Соловьева (позже и его учение), как мы знаем, способствовали оформлению основного мифа Блока, “мономифа” о Душе мира, Вечной женственности, Мировом эросе (в платоновском смысле)» [Максимов 1979: 23–24].

Вводимое Максимовым понятие «основной миф» вслед за Вяч. Ивановым и параллельно исследованиям Топорова и Вяч. Вс. Иванова (см.: [Иванов, Топоров 1974]) позволило ему сформулировать проблему синтеза мифологизма и историзма. Подобный опыт изучения эволюции творчества был глубоко новаторским. Он знаменовал уход от эмпиризма, официальных схем и канонов и идеологизации творчества. Была преодолена апология такой схемы типологизации, как от романтизма — к символизму и реализму. Смена картин мира теперь могла быть обусловлена прежде всего внутренними закономерностями художественного развития творчества как интегративной системы, учитывались символы-идеи, символы-категории, символы-мифы и т. д.

«Идею пути» Блока Максимов соотносит с универсальным мифом о становлении личности, приводя в пример миф Гёте о Фаусте [Максимов 1981а: 47]. Понятие «миф личности» использовал и Иванов, например, в статье «Две стихии в современном символизме», указывая на подобный же миф у Соловьева в поэме «Три свидания» [Иванов 1909: 284]. Если формирование мифа о Вечной женственности у Блока в первый этап развития его символизма Максимов связывает с философией Соловьева, то идея дальнейшего пути поэта, как он считает, формируется на основе важнейшей для художественной философии Блока категории стихии. Категория стихии в представлении Блока и динамика «мифа о пути» обусловлены, по его мысли, влиянием философии Ф. Ницше и дионисийского мифа Иванова. Как пишет Максимов,

Вяч. Иванов, согласно своей терминологии, назвал бы этот путь, уводящий от мистических созерцаний «Стихов о Прекрасной Даме», — «нисхождением», просветлен-

¹³ Мифотворческая модель разрабатывалась исследователями в дальнейшем с учетом специфики творчества других писателей, см., напр.: [Лавров 1978].

ным приобщением к «земному миру», но «объективно», на суде гуманистического сознания этот путь должен быть признан вместе с тем и путем «восхождения» [Максимов 1981а: 58–59].

Здесь исследователь опирается на положения такой статьи Иванова, как «Символика эстетических начал» (1905).

Воссоздавая свою неопубликованную в силу ее несоответствия советской цензуре рецензию на книгу Максимова «Поэзия и проза Ал. Блока» (Л., 1975), Пайман пишет, что он как учитель стремился «искусство не запереть в клетке теории», а сделать его «необъятным, многогранным, неисчерпаемым и манящим», и это основывалось, кроме всего прочего, на знании «символизма как движения и его философской подоплеки», что было укоренено в чтении находившихся тогда в опале трудов Белого, Иванова, Мережковского, Шестова и других, еще не изученных в советском литературоведении [Пайман 2007: 96]. Она считает, что Максимов сумел о Блоке сказать так, как никто из представителей зарубежного литературоведения; не смогли так написать об этом и представители русской эмиграции [Пайман 2007: 98]. Это обусловлено учительством русских символистов, идеями которых был увлечен Максимов. Он писал:

С этой точки зрения мы не можем не отдать должного замечательной филологической одаренности Вяч. Иванова и не пожелать, чтобы его блестящие историко-литературные характеристики и литературно-теоретические подгляды были изучены и оценены будущими исследователями, понимающими, что в филологии можно искать не только некую оппозицию реальному миру (с филологией бывает и так), но и особый способ постижения этого мира или, по крайней мере, некоторых из его важнейших сфер [Максимов 1981а: 249].

Таким образом, положения теории символизма Иванова и его мифопоэтические открытия оказались востребованными в научном литературоведении. Анализ проблемы влияния русского символизма на школу мифопоэтики, которую представляют труды Максимова, позволяет понять генезис мифопоэтического метода в отечественном литературоведении XX в. и установить важнейшие преемственные связи в истории филологической мысли. Изучение истории и теории русского символизма и знание основных положений статей теоретика этого направления привело Максимова к продуктивному развитию принципов мифопоэтики, оказавшихся несомненным научным достижением. С теоретиком символизма, как можно было убедиться, его сближают подходы к разработке теории символа-мифа и мифотворчества, анализ «основного мифа» Блока как «идеи пути», а также понимание им текстопорождающей природы образов-символов как интеграторов и мифов как архетипически важных феноменов сознания. Феноменологический подход Иванова к изучению философии мифа, который был им обозначен формулой «от реального — к реальнейшему», позволил ему понять природу мифопоэтического модуса художественности при анализе творчества Блока. Максимов формулирует принципы неомифологизма и намечает исследование «неомифологических текстов» в литературе XX в. Необходимо отметить, что Максимов исследует символический язык и мифотворческие идеи не только в поэзии Блока, Белого или Иванова, но и в творчестве Лермонтова. На это указывал Маркович, считая, что исследователь при изучении поэмы «Мцыри» «обосновал новую категорию, названную им “сим-

волическим подтекстом»», и «выяснил специфику этой категории, указав на отличия потенциальной символики от других художественных форм и приемов, что позволяло обогатить содержание универсальными смыслами» [Маркович 2007: 266]. Поэтому можно считать, что теория русского символизма оказалась плодотворной для методологии Максимова, как и для таких ученых, как Лосев, Бахтин, или Аверинцев (см. об этом: [Жеребин 2023]), опубликовавший со своими комментариями литературоведческие статьи и философско-художественные сочинения Иванова¹⁴. Это обусловлено тем, что Иванов видел «бессмертную душу» в «вечном символизме» как творчестве будущего, указывая на это в своей итоговой статье «Символизм» (1936), написанной для итальянского энциклопедического словаря Треккани [Иванов 1995: 154].

Источники

- Иванов 1909 — Иванов Вяч. И. *По звездам. Опыты философские, эстетические и критические*. СПб.: Оры, 1909.
- Иванов 1987 — Иванов Вяч. Основной миф в романе «Бесы». В кн.: *Собрание сочинений*. Т. 4. Иванов Д. В., Дешарт О. (ред.). Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1987. С. 437–444.
- Иванов 1995 — Иванов Вяч. И. *Лики и личины России. Эстетика и литературная теория*. Аверинцев С. С. (сост., предисл. и примеч.). М.: Искусство, 1995.
- Иванов 2021 — Иванов Вяч. И. *Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика*. Пер. с нем. Шишкин А. Б., Фетисенко О. Л. (ред.). СПб.: Пушкинский Дом, 2021. С. 5–139.
- Максимов 1937 — Максимов Д. Е. Валерий Брюсов и «Новый путь». В кн.: *Литературное наследство*. Т. 27–28. М.: Акад. наук СССР; Ин-т лит. им. А. М. Горького, 1937. С. 276–298.
- Максимов 1979 — Максимов Д. Е. О мифопоэтическом начале в лирике Блока: предварительные замечания. *Блоковский сборник*. Вып. 3. Творчество А. А. Блока и русская культура XX века. Минц З. Г. (ред.). Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1979. С. 3–33.
- Максимов 1981а — Максимов Д. Е. *Поэзия и проза Ал. Блока*. Л.: Советский писатель, 1981.
- Максимов 1981б — Максимов Д. Е. Ал. Блок и Вл. Соловьев: по материалам из библиотеки Ал. Блока. В кн.: *Творчество писателя и литературный процесс: межвуз. сб.* Куприяновский И. В. (ред.). Иваново, 1981. С. 115–189.

Литература

- Азадовский, Лавров 1994 — Азадовский К. М., Лавров А. В. Памяти Д. Е. Максимова (1904–1987). В кн.: *Литературное наследство*. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М.: Наука, 1994. С. 583–591.
- Асмус 1937 — Асмус В. Ф. Философия и эстетика русского символизма. В кн.: *Литературное наследство*. Т. 27–28. М.: Акад. наук СССР; Ин-т лит. им. А. М. Горького, 1937. С. 1–53.
- Бахтин 1979 — Бахтин М. М. Вячеслав Иванов. В кн.: Бахтин М. М. *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, 1979. С. 374–383.
- Библиотека Блока — Библиотека А. А. Блока. Описание. В 3 кн. Кн. 1. Лукирская К. П. (ред.). Л.: Б-ка Акад. наук, 1984.
- Голицына 2007 — Голицына В. Н. У Максимова. В кн.: *Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников*. Иезуитова Л. А., Приходько И. С. (ред.). М.: Наука, 2007. С. 20–32.
- Грабар 1998 — Грабар М. Вячеслав Иванов и/или Эдмунд Гуссерль: мифотворчество и феноменология как две параллельные попытки решить гносеологическую сторону проблемы кризиса европейской культуры. В кн.: *Вячеслав Иванов и его время: м-лы VII Междунар. симпозиума*. Аверинцев С. С., Циглер Р. (ред.). Вена: Lang, 2002. С. 199–213.

¹⁴ Аверинцев включил в корпус книги не только статьи Иванова по теории символизма и его литературно-критические исследования, но и художественные произведения, которые воплощают философию искусства. См.: [Иванов 1995].

- Григорьев 1975 — Григорьев А. Л. Мифы в поэзии и прозе русских символистов. В кн.: *Литература и мифология*: сб. науч. тр. Григорьев А. Л. (ред.). Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1975. С. 56–79.
- Гуссерль 2011 — Гуссерль Э. *Логические исследования. Прологомены к чистой логике*. Т. 1. Бернштейн Э. А. (пер. с нем.); Франк С. А. (ред.). М.: Акад. проект, 2011.
- Дэвидсон 1996 — Дэвидсон П. Вячеслав Иванов в русской и западной критической мысли (1903–1995). *Studia slavica Academiae scientiarum hungaricae*. 1996, (41): 111–132.
- Егоров 2007 — Егоров Б. Ф. Д. Е. Максимов — душевно самый близкий из учителей. В кн.: *Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников*. Иезуитова Л. А., Приходько И. С. (ред.). М.: Наука, 2007. С. 21–28.
- Жеребин 2023 — Жеребин А. И. О Сергее Сергеевиче Аверинцеве (к вопросу о традиции символизма в его творчестве). *Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. 2023, 3 (55): 186–196.
- Иванов, Топоров 1974 — Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. *Исследования в области славянских древностей*. М.: Наука, 1974.
- Ильюнина 1989 — Ильюнина Л. А. Создатель русской науки о символизме (материалы из архива Д. Е. Максимова). В кн.: *Проблемы источниковедческого изучения истории русской и советской литературы*. Л.: Гос. публ. 6-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1989. С. 145–166.
- Клинг 2019 — Клинг О. А. Влияние литературоведения русских символистов на понимание В. М. Жирмунским поэтики как науки. *Филологический класс*. 2019, 3 (57): 8–12.
- Козлов 1975 — Козлов А. С. Мифологическое направление в зарубежном литературоведении. В кн.: *Литература и мифология*: сб. науч. тр. Григорьев А. Л. (ред.). Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1975. С. 127–142.
- Лавров, Долгополов 1978 — Лавров А. В., Долгополов Л. К. Рец. на: Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1978, 37 (1): 75–78.
- Лавров 1978 — Лавров А. В. Мифотворчество «аргонавтов». В кн.: *Миф — фольклор — литература*. Л.: Наука, 1978. С. 137–170.
- Лавров 2019 — Лавров А. В. Д. Е. Максимов. *Вопросы литературы*. 2019, (1): 224–238.
- Лосев 1976 — Лосев А. Ф. *Проблема символа и реалистическое искусство*. М.: Искусство, 1976.
- Лосев 1990 — Лосев А. Ф. *Из ранних произведений*. М.: Правда, 1990. С. 395–599.
- Лосев 1995 — Лосев А. Ф. *Форма — Стиль — Выражение*. Тахо-Годи А. А., Маханько И. И. (ред.). М.: Мысль, 1995.
- Лосев 2016 — Лосев А. Ф. О Вяч. Иванове. В кн.: *Вячеслав Иванов: pro et contra*. В 2 т. Т. 1. СПб.: Рус. христ. гуманитар. акад., 2016. С. 719–735.
- Лотман 1986 — Лотман Ю. М. Поэзия науки (к 80-летию Д. Е. Максимова). В сб.: *Блоковский сборник*. Вып. 7. Минц З. Г. (ред.). Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1986. С. 3–6.
- Магомедова 1988 — Магомедова Д. М. «На страже духа и культуры...» (Д. Е. Максимов как исследователь русской литературы XX в.). *Известия АН СССР. Сер. литературы. и языка*. 1988, 47 (2): 186–192.
- Магомедова 1997 — Магомедова Д. М. *Автобиографический миф в творчестве А. А. Блока*. М.: Мартин, 1997.
- Маркович 2007 — Маркович В. М. От «свободы маневра» к «тайной свободе»: Д. Е. Максимов в эпоху оттепели. В кн.: *Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег и учеников*. Иезуитова Л. А., Приходько И. С. (ред.). М.: Наука, 2007. С. 255–272.
- Мелетинский 1976 — Мелетинский Е. М. *Поэтика мифа*. М.: Наука, 1976.
- Минц 1979 — Минц З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов. В сб.: *Блоковский сборник*. Вып. 3. Минц З. Г. (ред.). Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1979. С. 76–120.
- Минц, Пустыгина 2004 — Минц З. Г., Пустыгина Н. Г. «Миф о пути» и эволюция писателей-символистов. В кн.: Минц З. Г. *Блок и русский символизм: избранные труды*. В 3 кн. Кн. 3: Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство-СПб, 2004. С. 140–144.
- Молчанова 2014 — Молчанова Н. А. Б. М. Эйхенбаум о русском символизме (по материалам статей и исследований 1910 — первой половины 1920-х годов). *Известия Воронежского государственного педагогического университета*. 2014, 4 (265): 97–100.
- Нерлер 1980 — Нерлер П. М. Третий Блоковский сборник. *Вопросы литературы*. 1980, (9): 298–303.

- Обатнин 2018 — Обатнин Г.В. Запись Вяч. Иванова о системе Э.Гуссерля. В кн.: *Вячеслав Иванов: исследования и материалы*. Шишкин А.Б. (ред.). Вып. 3. М.: Ин-т мир. лит. им. А.М.Горького РАН, 2018. С. 431–445.
- Пайман 2007 — Пайман А. Письма и память о Максимове. В кн.: *Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег и учеников*. Иезуитова Л.А., Приходько И.С. (ред.). М.: Наука, 2007. С. 74–108.
- Пайман 2000 — Пайман А. *История русского символизма*. М.: Республика, 2000.
- Приходько, Максимов 1987 — Приходько И.С., Максимов Д.Е. Сюжет поэмы А.Блока «Соловьиный сад» и его истоки. К проблеме мифотворчества поэта. *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. 1987, 46 (6): 510–528.
- Приходько 1994 — Приходько И.С. *Мифопоэтика А.Блока. Историко-культурный и мифологический комментарий к драмам и поэмам*. М.: Мос. пед. гос. ун-т; Владимир: Владимир. гос. пед. ун-т, 1994.
- Сухих 2024 — Сухих И.Н. Кафедра русской литературы Петербургского/Петроградского/Ленинградского университета: XX век (к 300-летию СПбГУ). *Русская литература*. 2024, (1): 103–130.
- Титаренко 2011 — Теоретическое наследие Вячеслава Иванова и литературоведение XX века. В кн.: *Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы. Взгляд из России — взгляд из зарубежья*. Карпов А.А. (ред.). СПб.: Скрипториум, 2011. С. 366–379.
- Титаренко 2014 — Титаренко С.Д. Мифологизм Вяч. Иванова и понятие «абсолютной мифологии» А.Ф.Лосева. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 9. 2014, (1): 85–92.
- Топоров 1989 — Топоров В.Н. Миф о Тантале (об одной поздней версии — трагедия Вяч. Иванова). В сб.: *Палеобалканистика и античность*. Нерознак В.П. (ред.). М.: Наука, 1989. С. 61–110.
- Топоров 1994 — Топоров В.Н. О мифопоэтическом пространстве: избр. ст. Пиза: ECIГ, 1994.
- Топоров 1995 — Топоров В.Н. *Миф. Ритуал. Образ. Символ: исследования в области мифопоэтического*. М.: Прогресс-Культура, 1995.
- Ханзен-Леве 2003 — Ханзен-Леве А. *Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика*. Пер. с нем. СПб.: Академический проект, 2003.
- Эйхенбаум 1987 — Эйхенбаум Б.М. *О литературе. Работы разных лет*. М.: Советский писатель, 1987.

Статья поступила в редакцию 20 марта 2024 г.
Статья рекомендована к печати 20 января 2025 г.

Svetlana D. Titarenko

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-6981-0664>
s.titarenko@spbu.ru

Research of A. Blok's mythopoetic in literature studies of D. E. Maksimov and Vyach. I. Ivanov's theory of symbolism*

For citation: Titarenko S. D. Research of A. Blok's mythopoetic in literature studies of D. E. Maksimov and Vyach. I. Ivanov's theory of symbolism. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2025, 22 (2): 333–350. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2025.206> (In Russian)

The article is dedicated to the insufficiently studied problem of comparative-typological analysis of the principles of a Russian literature studies mythopoetic school of the 20th century and Russian symbolism theory. The subject of the study is literary works of D. E. Maksimov (1904–1987), who is one of the acknowledged researchers of the A. A. Blok's talent. The analysis of the

* The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation no. 23-28-00514, <https://rscf.ru/project/23-28-00514/>, IRLI (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences.

main Maksimov's works showed that he refers to the foreign scientists such as N. Frye, M. Eliade, J. Campbell, M. Bodkin and also researches who specialized in philosophy and semantics of the myth at the same time with him in 1960–1980s (E. M. Miletinsky, A. F. Losev, V. N. Toporov). It is shown that Maksimov frequently quoted Ivanov's articles from his books "On the Stars" (1909), "Furrows and Boundaries" (1916) and others while working on the principles of mythopoetic. The ideas of Russian symbolism theorist defined some of his approaches to the "main myth" of Alexander Blok as an "idea of the way" and also his understanding of text procreative nature of images-symbols as integrators of archetypic important phenomena of consciousness. Ivanov's phenomenological approach to the study of the myth had an influence on Maksimov. His ideas in 1970–1980s evolved at the same time with his disciples and followers such as Z. G. Mintz, I. S. Prihodko, A. Payman, A. V. Lavrov and others who developed and extended them. That is why, Maksimov's works anticipated discoveries in the studies of Alexander Blok's mythopoetic at the end of 20th and beginning of 21th century.

Keywords: methodology of literature studies, mythopoetic of Alexander Blok, theory of Russian symbolism, Vyach. I. Ivanov, D. E. Maksimov.

References

- Азадовский, Лавров 1994 — Azadovskii K. M., Lavrov A. V. In Memory of D. E. Maksimov (1904–1987). In: *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 98. Valerii Briusov i ego korrespondenty. Bk. 2. Moscow: Nauka Publ., 1994. P. 583–591. (In Russian)
- Асмус 1937 — Asmus V. F. Philosophy and Aesthetics of Russian Symbolism. In: *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 27–28. Moscow: Akademiia nauk SSSR Publ.; Institut literatury imeni A. M. Gor'kogo RAN Publ., 1937. P. 1–53. (In Russian)
- Бахтин 1979 — Bakhtin M. M. Vyacheslav Ivanov. In: Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. P. 374–383. (In Russian)
- Библиотека Блока — *Blok's Library Description*. In 3 bks. Bk. 1. Lukirskaya K. P. (ed.). Leningrad: Biblioteka Akademii nauk Publ., 1984. (In Russian)
- Голицына 2007 — Golitsyna V. N. At Maksimov's. In: *Dmitrii Evgen'evich Maksimov v pamiati družei, kolleg, uchениkov*. Iezuitova L. A., Prihod'ko I. S. (eds). Moscow: Nauka Publ., 2007. P. 20–32. (In Russian)
- Грабар 1998 — Grabar M. Vyacheslav Ivanov and/or Edmund Husserl: Mythogenesis and Phenomenology as Two Parallel Attempts to Solve the Epistemological Side of the Problem of the Europe's Culture Crisis. In: *Vyacheslav Ivanov i ego vremia: materialy VII Mezhdunarodnogo simpoziuma*. Averintsev S. S., Tsigler R. (eds). Vena: Lang Publ., 2002. P. 199–213. (In Russian)
- Григорьев 1975 — Grigor'ev A. L. Myths in Poetry and Prose of Russian Symbolists. In: *Literatura i mifologiya: sbornik nauchnykh trudov*. Grigor'ev A. L. (ed.). Leningrad: Leningradskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni A. I. Gertsena Publ., 1975. P. 56–79. (In Russian)
- Гуссерль 2011 — Husserl E. *Logical Investigations. Prolegomena to Pure Logic*. Vol. I. Bernstein E. A. (transl. from German); Frank C. A. (ed.). Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2011. (In Russian)
- Дэвидсон 1996 — Davidson P. Vyacheslav Ivanov in Russian and Western Critical Thought (1903–1995). *Studia slavica Academiae scientiarum hungaricae*. 1996, (41): 111–132. (In Russian)
- Егоров 2007 — Egorov B. F. D. E. Maximov is Mentally the Closest of the Teachers. In: *Dmitrii Evgen'evich Maksimov v pamiati družei, kolleg, uchениkov*. Iezuitova L. A., Prihod'ko I. S. (ed.). Moscow: Nauka Publ., 2007. P. 21–28. (In Russian)
- Жеребин 2023 — Zherebin A. I. About Sergei Sergeyevich Averintsev (to the Question of the Symbolism Tradition in His Work). *Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty*. 2023, 3 (55): 186–196. (In Russian)
- Иванов, Топоров 1974 — Ivanov Viach. Vs., Toporov V. N. *Researches in the Field of Slavic Antiquities*. Moscow: Nauka Publ., 1974. (In Russian)
- Ильюнина 1989 — Il'yunina L. A. The Creator of the Russian Science of Symbolism (Materials from the Archive of D. E. Maksimov). In: *Problemy istochnikovedcheskogo izucheniia istorii russkoi i sovetskoi literatury*. Leningrad: Gosudarstvennaia publichnaia biblioteka imeni M. E. Saltykova-Shchedrina Publ., 1989. P. 145–166. (In Russian)

- Клинг 2019 — Kling O. A. The Influence of Literary Criticism of Russian Symbolists on V. M. Zhirmunsky's Understanding of Poetics as a Science. *Filologicheskii klass*. 2019, 3 (57): 8–12. (In Russian)
- Козлов 1975 — Kozlov A. S. Mythological Direction in Foreign Literature Studies. In: *Literatura i mifologiya: sbornik nauchnykh trudov*. Grigor'ev A. L. (ed.). Leningrad: Leningradskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni A. I. Gertsena Publ., 1975. P. 127–142. (In Russian)
- Лавров, Долгополов 1978 — Lavrov A. V., Dolgopolov L. K., Maksimov D. E. A. Blok's Poetry and Prose. Leningrad, 1975. *Izvestiia AN SSSR. Seriya literatury i iazyka*. 1978, 37 (1): 75–78. (In Russian)
- Лавров 1978 — Lavrov A. V. The Mythogenesis of the “Argonauts”. In: *Mif — fol'klor — literatura*. Leningrad: Nauka Publ., 1978. P. 137–170. (In Russian)
- Лавров 2019 — Lavrov A. V. D. E. Maksimov. *Voprosy literatury*. 2019, (1): 224–238. (In Russian)
- Лосев 1976 — Losev A. F. *The Problem of Symbol and Realistic Art*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1976. (In Russian)
- Лосев 1990 — Losev A. F. *From Early Works*. Moscow: Pravda Publ., 1990. P. 395–599. (In Russian)
- Лосев 1995 — Losev A. F. *Form — Style — Expression*. Takho-Godi A. A., Makhan'ko I. I. (eds). Moscow: Mysl' Publ., 1995. (In Russian)
- Лосев 2016 — Losev A. F. About Vyach. Ivanov. In: *Viacheslav Ivanov: pro et contra*. In 2 vols. Vol. 1. St Petersburg: Russkaia khristianskaia gumanitarnaia akademiia Publ., 2016. P. 719–735. (In Russian)
- Лотман 1986 — Lotman Iu. M. Poetry of Science (For the 80th Anniversary of D. E. Maksimov). In: *Blokovskii sbornik*. Iss. 7. Mints Z. G. (ed.). Tartu: Tartuskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1986. P. 76–120. (In Russian)
- Магомедова 1988 — Magomedova D. M. “On Guard of the Spirit and Culture...” (D. E. Maksimov as a Researcher of Russian Literature of the Twentieth Century). *Izvestiia AN SSSR. Seriya literatury i iazyka*. 1988, 47 (2): 186–192. (In Russian)
- Магомедова 1997 — Magomedova D. M. *An Autobiographical Myth in the Work of A. A. Blok*. Moscow: Martin Publ., 1997. (In Russian)
- Маркович 2007 — Markovich V. M. From “Freedom of Maneuver” to “Secret Freedom”: D. E. Maksimov in the Era of the Thaw. In: *Dmitrii Evgen'evich Maksimov v pamiati друзей, kolleg i uchenikov*. Iezuitova L. A., Prikhod'ko I. S. (eds). Moscow: Nauka Publ., 2007. P. 255–272. (In Russian)
- Мелетинский 1976 — Meletinskii E. M. *The Poetics of Myth*. Moscow: Nauka Publ., 1976. (In Russian)
- Миц 1979 — Mints Z. G. About Some “neo-mythological” Texts in the Works of Russian Symbolists. In: *Blokovskii sbornik*. Iss. 3. Mints Z. G. (ed.). Tartu: Tartuskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1979. P. 76–120. (In Russian)
- Миц, Пустыгина 2004 — Mints Z. G., Pustygina N. G. The “Myth of the Path” and the Evolution of Symbolist Writers. In: Mints Z. G. *Blok i russkii simvolizm: izbrannye trudy*. In 3 vols. Vol. 3: Poetika russkogo simvolizma. St Petersburg: Iskusstvo-SPb Publ., 2004. P. 140–144. (In Russian)
- Молчанова 2014 — Molchanova N. A. B. M. Eichenbaum on Russian Symbolism (Based on Articles and Research from the 1910s — the First Half of the 1920s). *Izvestiia Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2014, 4 (265): 97–100. (In Russian)
- Нерлер 1980 — Nerler P. M. Third Book of Blok's Collected Works. *Voprosy literatury*. 1980, (9): 298–303. (In Russian)
- Обатнин 2018 — Obatnin G. V. The Recording is in Progress. Ivanov on the System of E. Husserl. In: *Viacheslav Ivanov: issledovaniia i materialy*. Shishkin A. B. (ed.). Iss. 3. Moscow: Institut mirovoi literatury imeni A. M. Gor'kogo RAN Publ., 2018. P. 431–445. (In Russian)
- Пайман 2007 — Paiman A. Letters and Memory of Maximov. In: *Dmitrii Evgen'evich Maksimov v pamiati друзей, kolleg i uchenikov*. Iezuitova L. A., Prikhod'ko I. S. (eds). Moscow: Nauka Publ., 2007. P. 74–108. (In Russian)
- Пайман 2000 — Paiman A. *The History of Russian Symbolism*. Moscow: Respublika Publ., 2000. (In Russian)
- Приходько, Максимов 1987 — Prikhod'ko I. S., Maksimov D. E. The Plot of A. Blok's Poem “The Nightingale Garden” and its Origins. On the Problem of the Poet's Mythogenesis. *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i iazyka*. 1987, 46 (6): 510–528. (In Russian)
- Приходько 1994 — Prikhod'ko I. S. *The Mythopoetics of A. Blok. Historical, Cultural and Mythological Commentary on Dramas and Poems*. Moscow: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet Publ.; Vladimir: Vladimirovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 1994. (In Russian)

- Сухих 2024 — Sukhikh I. N. Department of Russian Literature of St. Petersburg/Petrograd/Leningrad University: 20th Century (to the 300th Anniversary of St. Petersburg State University). *Russkaia literatura*. 2024, (1): 103–130. (In Russian)
- Титаренко 2011 — Titarenko S. D. The Theoretical Legacy of Vyacheslav Ivanov and Literary Criticism of the 20th Century. In: *Aktual'nye problemy izucheniia i prepodavaniia russkoi literatury. Vzgliaid iz Rossii — vzgliad iz zarubezh'ia*. Karpov A. A. (ed.) St Petersburg: Skriptorium Publ., 2011. P. 366–379. (In Russian)
- Титаренко 2014 — Titarenko S. D. Mythological Aspects of Vyacheslav Ivanov's Art and Alexey Losev's Concept of "Absolute Mythology". *Vestnik of Saint Petersburg University*. Ser. 9. 2014, (1): 85–92. (In Russian)
- Топоров 1989 — Toporov V. N. The Myth of Tantalus (About one Late Version — the Tragedy of Vyach. Ivanov). *Paleobalkanistika i antichnost'*. Moscow: Nauka Publ., 1989. P. 61–110. (In Russian)
- Топоров 1994 — Toporov V. N. *About the Mythopoeic Space: Selected Articles*. Pisa: ECIG Publ., 1994. (In Russian)
- Топоров 1995 — Toporov V. N. *Myth. Ritual. Image. Symbol: Research in the Field of Mythopoeic*. Neroznak V. P. (ed.). Moscow: Progress-Kul'tura Publ., 1995. (In Russian)
- Ханзен-Леве 2003 — Hansen-Löwe A. *Der Russische Symbolismus. System und Entfaltung der poetischen Motive. Mythopoetischer Symbolismus. Kosmische Symbolik*. Transl. from German. St Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 2003. (In Russian)
- Эйхенбаум 1987 — Eikhensbaum B. M. *About Literature: Works of Different Years*. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1987. (In Russian)

Received: March 20, 2024

Accepted: January 20, 2025